

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141

В.А. Усольцев

**АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ: ВЗГЛЯД ВЕЛИКОГО
МЫСЛИТЕЛЯ ИЗ XIX ВЕКА В БУДУЩЕЕ РОССИИ**

Алексей Степанович Хомяков – кто это? Он, как пишут сегодня, - философ, писатель, публицист, один из основателей славянофильства, богослов, социолог, историк мировой цивилизации, экономист, автор технических новшеств, поэт, врач, живописец. Не много ли сосредоточилось в одной личности?

Алексей Степанович
Хомяков (1804-1860)

В.З. Завитневич, автор фундаментальной биографии Алексея Степановича, писал в 1913 году: «Хомяков все еще остается у нас непризнанным. Хомяков не признан потому, что в жизни просвещенного класса нашего общества, в областях как умственной, так еще более религиозно-нравственной, было и есть слишком мало условий, благоприятствующих изучению и пониманию этой колоссальной личности. Окрещенный еще при жизни односторонней кличкой славянофила, он и по настоящее время вращается в нашем образованном обществе с этим убогим ярлыком, скрывающим от глаз малочитающих и еще менее думающих людей изумительное богатство и разнообразие действительного содержания души этого феноменального по своим дарованиям человека» (Завитневич, 1913. С. 2).

«Во все продолжение его учено-литературной деятельности, - писал об Алексее Степановиче преемник и продолжатель его идей Юрий Федорович Самарин, - настроение, у нас господствовавшее, исключало всякую возможность не только оценки их по достоинству, но даже сочувственного к ним внимания» (Самарин, 2008. С. 35).

Юрий Федорович
Самарин (1819-1876)

Алексей Степанович в свое время не был услышан в той мере, которой он заслуживал своими актуальнейшими и во многом провидческими работами. «Странно наше, так сказать, островное положение в русском обществе, - писал он. - Чувствуешь, что мы более всех других люди русские и в то же время, что общество русское несколько нам не сочувствует». Он не соглашается с настроениями в тогдашнем «образованном обществе», горько сетуя, что «пробужденное в нас сознание несколько не останавливает бессмыслицу» (Хомяков, 1900. С. 383, 256).

Объяснение этому дает М.М. Панфилов (2011а): «Только избранные способны идти со старообрядческим “упрямством” до конца, против течения. Ведь *избранию* вместо заслуженных почестей, как правило, сопутствует обреченность на частое непонимание и массовое равнодушие» (с. 698-699).

В совершенстве владея всеми европейскими языками, Алексей Степанович часто публиковался на Западе. Однако, не воспринимаемый в должной мере в русском обществе, он тем более не был понимаем и в западном.

Тон желчного неприятия задал «неистовый» Виссарион Белинский, обладавший «превосходным чутьем литературного критика». Он, «подобно бывалому охотничьему псу, отдавал отчет в том, *какой* зверь на него вышел» (Панфилов, 2011а. С. 700). Со своей стороны, своими «не всегда оправданными догадками» Алексей Степанович предоставлял этой «самодовольной критике» «легкое торжество над трудом, который в

этом отношении является перед нею безоружным» (Самарин, 2008. С. 507). Показательную для того времени оценку А.С. Хомякову и его воззрениям дал А.И. Герцен (1959): «Двадцать лет тому назад я с ужасом отпрянул от славянофилов из-за их рабства совести» (с. 222). Как справедливо отмечает М.М. Панфилов (2011а), А.И. Герцен, сам того не подозревая, дал А.С. Хомякову «высочайшую оценку». Это особенно очевидно в свете нынешних реалий: если «рабы совести» не почитались у некоторых представителей интеллигенции даже в Серебряном веке, в период расцвета идей «русского космизма», то в рамках провозглашенной ныне «идеологии наживы» это понятие в основной массе русского общества предано забвению.

И в то же время именно сегодня, в условиях вновь разгоревшихся споров вокруг «русской идеи» и дальнейшего пути России, Алексей Степанович, как никогда, актуален: «Алексей Хомяков видел свое высшее призвание в том, чтобы воспитывать волю к исторически укорененному в нашей почве бытию. К бытию *православного русского человека*. ...А что же происходит сегодня, когда в сумбурных “потоках информации” мы, казалось бы, начинаем осознать, что идти надо “против течения”? Как и полтора века назад... И это *путь* “русской партии”, вехи которого наиболее отчетливо прослеживаются от Хомякова к Достоевскому. Следуем ли мы в должной мере духовному опыту наших великих предшественников – отцов и старших братьев?» (Панфилов, 2011а. С. 701-702).

Во всех своих изысканиях А.С. Хомяков проводил идею «национального домостроительства», суть которой может быть понята из следующих его слов: «Разумное развитие отдельного человека есть возведение его в общечеловеческое достоинство согласно с теми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитие народа есть возведение до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия» (Хомяков, 2011. С. 270).

А.С. Хомяков о поэтическом инстинкте в исторической науке. В «историческом бытии» А.С. Хомяков видел «естественную закономерность». Но эта «запрограммированность» истории не только не ослабляет ответственности людей (а следовательно, и их свободы), а напротив, опирается на эту свободу людей. Поэтому история движется как свободой, так и ее противоположной силой – «свободным устремлением к оковам необходимости». Поэтому исторический процесс есть процесс духовный, а движущей силой истории является вера, т.е. «религиозные движения в глубине народного духа» (Зеньковский, 2001).

«Не дела лиц, не судьбы народов, но общее дело, судьба, жизнь всего человечества составляют истинный предмет истории» (Хомяков, 2011. С. 162). «Дело историка было всегда весьма трудным; но оно стало гораздо труднее с тех пор, как летописи уже не считаются единственным источником истины. Звание историка требует редкого соединения качеств разнородных: учености, беспристрастия, многообъемлющего взгляда, Лейбницевой способности сближать самые далекие предметы и происшествия, Гриммова терпения в разборе самых мелких подробностей... Мы прибавим только свое мнение. Выше и полезнее всех этих достоинств – чувство поэта и художника. Ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам: чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может» (Там же. С. 163-164). По А.С. Хомякову, «жизненная» наука органически связана с поэзией бытия – художественными реалиями истории в единстве настоящего-прошлого-будущего (Панфилов, 2011).

«Познания человека увеличились, книжная мудрость распространилась, с ними возросла самоуверенность ученых. Они начали презирать мысли, предания, догадки невежд, они стали верить безусловно своим догадкам, своим мыслям, своим знаниям. ...Инстинкты глубоко человеческие, поэтическая способность угадывать истину исчезли под тяжестью учености односторонней и сухой. ...Еще важнее самих поверий и преданий, но, к несчастью, неуловим для исследователя, самый дух жизни целой семьи че-

ловеческой. Его можно чувствовать, угадывать, глубоко сознавать: но нельзя заключить в определения, нельзя доказать тому, кто не сочувствует. В нем можно иногда отыскать признаки отрицательные и даже назвать их; признаков положительных отыскать нельзя» (Хомяков, 2011. С. 168-169).

И далее: «Нет сомнения, что доказательство, основанное на строгой формуле, менее других встречает противоречий и скорее дает истине право гражданства в области знаний; но держаться единственно формул, не верить ничему кроме формул, есть односторонность, в которую впасть непростительно. Сильное и глубокое убеждение может быть следствием простого воззрения на предмет... Надобно только, чтобы рука живописца была верна и чтобы внутреннее чувство зрителя было просвещенно, и в то же время не испорчено просвещением. К несчастью, пристрастие нашего века к сухим логическим формам лишает его способности сочувствовать простым человеческим истинам; но всякая односторонность должна исчезнуть при дальнейшем развитии разума...» (с. 170). М.М. Панфилов в своих «Комментариях» (2011б) подчеркивает предельную актуальность этих воззрений А.С. Хомякова, их созвучие с задачами утверждения нравственных ценностей во всех сферах культуры, с «антропологическим» поворотом науки, связанным, в свою очередь, с современным «цивилизационным тупиком», с вопросом жизни или смерти человечества.

«Никто из исследователей до сих пор не готов к “сплошному комментированию” гениальных импровизаций Хомякова, - считает М.М. Панфилов (2011б). - А это говорит, прежде всего, о том, что мы еще не в состоянии полноценно воспринимать “исследование истины исторических идей”, которое пронизывает, по сути, все его наследие. ...Сохраняя верность “русскому воззрению” на историю, у истоков которого стоит Хомяков, ни его прямые последователи, ни те, кто пришел им на смену, вплоть до настоящего времени, так и не смогли не только продолжить непосредственно поэтическую интуицию философии истории Хомякова, но и прокомментировать оставленные им бесчисленные “загадки” затянувшегося взросления славяно-православного мира» (с. 716, 717).

О «религиозном познании» А.С. Хомякова. А.С. Хомяков развивал «теорию религиозного познания», которое он распространил на все познание и пришел к учению о «живом знании», которое стало основой многих плодотворных построений в русской философии (Зеньковский. 2011). Согласно А.С. Хомякову, высшие истины открыты нам в православии, но только при условии свободы, которая не подменяется авторитетом. Тем самым православием преодолевается «латинство», «которое требует от индивидуального сознания покорности и послушания церкви, не развивает в индивидууме познавательной работы и даже подавляет ее. Но утверждая все права свободного исследования, Хомяков с не меньшей силой отвергает и индивидуализм, к которому склоняется протестантизм, объявляющий индивидуальный разум вполне правоспособным к познанию истины» (Зеньковский, 2011. С. 11).

В понятие веры А.С. Хомяков вкладывал очень широкий смысл. Вера в его понимании является движущей силой истории как духовного процесса, но не только. Вера, как целостность духа, нужна на самых первых ступенях познания. Вера, как начальная стадия познания, понимается А.С. Хомяковым не в смысле только религиозной веры, а в смысле непосредственного приобщения к реальности: «Я называю верой, - пишет А.С. Хомяков, - ту способность разума, которая воспринимает действительные (реальные) данные, передаваемые ею на разбор и сознание рассудка». Данные веры, по А.С. Хомякову, являются тем первичным материалом, «предшествующим логическому сознанию», из которого строится всё наше знание. Это первичное «знание веры» проникнуто действительностью, принимая всё ее разнообразие, «оно снабжает рассудок всеми данными для его самостоятельного действия и взаимно обогащается всем его богатством – оно знание живое... Это живое знание требует постоянной цельности и неизменяемого согласия в душе человека» (цит. по: Зеньковский, 2011. С. 12-13).

Во многом созвучен А.С. Хомяков с идеями «Общества любомудров», активным членом которого был князь В.Ф. Одоевский, утверждавший: «Великое дело - понять свой инстинкт и чувствовать свой разум. В этом, может быть, вся задача человечества» (Одоевский, 1975. С. 177). Оригинальность взглядов В.Ф. Одоевского в том, что идея «цельного знания» направлена не против дифференциации наук, а против «овнешненного» знания, против рациональности современной науки, которая охватывает лишь «первую оболочку мира», не затрагивая его сущности. «Новая наука» должна осуществить синтез инстинкта и разума, двух главных особенностей человека – природной и сверхприродной. В ней все инстинктивное обращается в «знание ума», а «знание ума» становится внутренним, интимным, приобретает силу воздействовать на ход вещей. (Семенова, Гачева, 1993). «Мы все изучили, все описали и – почти ничего не знаем», - писал В.Ф. Одоевский (1975. С. 166).

Владимир Федорович
Одоевский (1803-1869)

У В.Ф. Одоевского сомнения в рациональности науки означают необходимость ее более тесного смыкания с неявным, интуитивным знанием. Это было очень точно подмечено Н.Н. Моисеевым (2003): «Рационализм, утвердившийся в XVIII веке, был естественным и очень важным этапом развития культуры и цивилизации в целом», но еще «...Одоевский, основатель кружка любомудров, произнес вещь о том, что рационализм нас подвел к вратам истины, но не ему предстоит их открыть» (с. 6).

В какой-то мере, А.С. Хомяковым было предвосхищено нынешнее (несомненно, более узкое, чем у А.С.) представление о «неявном» знании как необходимой начальной стадии всякого нового знания, вытекающей из «теоремы о неполноте» Гёделя (Успенский, 1982) и «принципе сочувствия» в этой связи (Мейен, 1977).

А.С. Хомяков выступает за целостную обращенность души к теме знания: «Для уразумения истины самый рассудок должен быть согласен со всеми законами духовного мира ... в отношении ко всем живым и нравственным силам духа. Поэтому все глубочайшие истины мысли доступны только разуму, внутри себя устроенному в полном нравственном согласии со всесущим разумом». Для Хомякова важна объективная целостность познающего духа, связанная с моральными требованиями, исходящими от «всесущего разума». Главный его упрек Западной церкви в связи с церковным расколом в XI веке – в том, что она без соглашения с Восточной церковью «нарушила моральные условия познания и потому и оторвалась от истины, подпала под власть рационализма» (Зеньковский, 2011. С. 12). «С этого времени, - считает А.С. Хомяков (2011), - на Западе не стало Церкви, осталась духовная Римская империя, впоследствии раздробленная протестантскою республикою» (с. 157). С тех пор «...на Западе духовной жизни человека открыты только две дороги: дорога Романизма и дорога Протестантизма» (с. 149).

О Западном расколе христианства в 1054 году. Западное христианство, - считает А.С. Хомяков (2011), - «совершило самоубийство», «присудило себя к смерти, когда задумало быть религиозною монархией» (с. 130). Он показывает «...действительное, внутреннее состояние обеих ветвей раскола. Их общее основание есть рационализм. Вся надстройка условна и в равной степени страдает отсутствием величия, гармонии и внутренней связи. ...Напрасно они опасаются, как бы их не убило неверие. Чтобы быть убитым, нужно быть существом живым; они же, несмотря на свои волнения и призрачные борьбы, носят уже смерть в себе самих; неверию остается только убрать трупы и подмести арену. И все это – праведная казнь за преступление, содеянное Западом против святого закона Христианского братства» (Там же. С. 145).

«...Наш век есть время мысли, и по этой самой причине ему суждено иметь на будущность человечества влияние очень сильное. Конечно, общественные страсти могут возмущать ясность мысли; грубая сила может на время подавлять ее; но страсти притупляются и затихают, грубая сила надламывается или утомляется, а мысль переживает их и продолжает свое нескончаемое дело: ибо она поистине от Бога. ...А в том-то именно заключается существенная опасность, грозящая настоящей эпохе, что мысль на Западе действительно обогнала религию, уличив ее в рационализме и непоследовательности, а религия обогнанная есть религия приговоренная» (с. 146, 147).

А.С. Хомяков (2011) пишет об одной закономерности этического характера: «В числе законов, правящих умственным миром, есть один, которого Божественная, строгая правда не допускает исключений. Всякое незаслуженное оскорбление, всякая несправедливость поражает виновного гораздо более, чем жертву; обиженный терпит, обидчик развращается. Обиженный может простить и часто прощает, обидчик не прощает никогда. Его преступление впускает в его сердце росток ненависти, который постоянно будет стремиться к развитию, если вовремя не очистится все нравственное существо виновного внутренним обновлением. ...Рабовладелец всегда более развращен, чем раб; христианин может быть рабом, но не должен быть рабовладельцем. ...Этот закон имеет огромную важность в истории» (с. 86). «Господство – еще худший наставник, чем рабство, и глубокий разврат победителей мстит за несчастье побежденных» (с. 191).

В другой своей статье А.С. Хомяков развивает высказанную мысль: «Все связано, все находится в условиях взаимного действия и борения. Первое оскорбление, нанесенное человеком человеку или племенем племени, закидывает в душу злое начало вражды и вызывает наружу тайные зародыши порока. По чудному закону нравственного мира, обидчик более ненавидит обиженного, чем обиженный своего притеснителя. Обе стороны подвергаются нравственной порче; но семя зла сильнее развивается в самом сеятеле, чем в почве, невольно подвергающейся его вредному влиянию. Таков устав вечной правды. ...Не только первые утеснители, но и потомки их в дальнейшем колене носят это клеймо первоначальной злобы. Так, Польша и Литва ненавидели Россию, когда Россия еще была перед ними чиста и неповинна, ...так славянин протягивает дружески руку германцу, а германец рад бы опять на него замахнуться мечом – да поздно: старый плебей Европы вырос не под мочь соседу» (Хомяков, 2011. С. 190).

Комментируя «западный раскол», «западную ересь против догмата церковного единства», А.С. Хомяков делает вывод: «...Решив догматический вопрос без содействия своих восточных братий, Запад тем самым подразумеваемо объявил их сравнительными недорослями, разжаловал их в илотов по вере и благодати и чрез это отверг их от Церкви, словом, - совершил над ними *нравственное братоубийство*. По неизбежной последовательности, наследники этого преступления должны прийти к *братоубийству вещественному*. ...Я утверждаю, что в западных исповеданиях у всякого на дне души лежит глубокая неприязнь к восточной Церкви. Таково свидетельство истории...» (Там же. С. 86-87).

Совершив «ересь раскола единой Церкви», западная церковь обвиняет восточную в «ереси» святителя Фотия, патриарха Константинопольского (IX век) – первого проповедника Евангелия, просветившего славян «чистым светом Христовым» и обличавшего римских пап во властолюбии. Накануне Крымской войны архиепископ парижский Сибур возвещает Франции, что «война, в которую вступает она с Россией, не есть война политическая, но война священная; не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная; что все другие основания, выставленные кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина к этой войне, причина святая, причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотия; укротить, сокрушить его...» (Хомяков, 2011. С. 84-85).

Комментируя противостояние «двух исповеданий, образующих западный раскол», и восточной Церкви, А.С. Хомяков показывает, что кроме «враждебного настрое-

ния сердца», есть другое, гораздо более важное: «...До самой эпохи великого западного раскола познание Божественных истин считалось принадлежностью всецелой Церкви, объединенной духом любви. ...Как скоро логическое начало знания... отрешилось от нравственного начала любви, выражающегося в единодушии Церкви, так этим самым на деле устанавливалось протестантское безначалие – анархия в области веры. ...Чтоб избежать ...анархии, нужно было вместо нравственного закона... поставить какой-нибудь новый закон, внутренний или внешний, такой закон, который бы облакал определения западно-церковного общества несомненной обязательностью... Необходимость в этом законе мало-помалу создала понятие о папской непогрешимости. ...Чтоб не остаться в глазах Церкви расколом или не оправдать заранее своим примером протестантское своеволие, романизм вынужден был приписать римскому епископу непогрешимость безусловную» (Там же. С. 88-89).

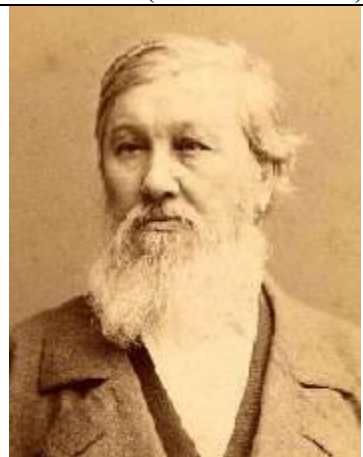
«Протестантство, исходя из той же мысли, что и Запад, ...пришло к заключению, что наравне с западным патриархатом и всякая страна, всякая епархия, наконец, всякое отдельное лицо имеет такое же право отделиться от целой Церкви и создать себе символ веры или верование по своему вкусу. ...Протестантство потеряло всякую память о той нравственной взаимной зависимости, в которой находились одна от другой частные области первобытной Церкви. ...Протестантство, лишенное опоры предания и нравственного над собою попечительства Церкви, обратившейся для него в чистый абстракт, поневоле должно остаться при одной Библии как единственном руководстве». Но поскольку «эта книга – все-таки произведение человеческое, ...все верования протестанта держатся на предмете чисто условном. Но условное верование есть не более как прикрытое неверие» (с. 89-90).

О специфике и значении славянского мира. Нет такого далекого племени, которое бы не было исследовано западными учеными, отмечал А.С. Хомяков. «Одна только семья человеческая мало и весьма мало обращала на себя их внимание, а эта семья, кажется, не за морями, не утаилась в каком-нибудь темном уголке земли, а пограничная германцам, даже чересполосная с ними, сильная числом, населяющая пространство почти беспредельное, семья славянская. ...Какие бы ни были тайные причины, помрачающие до сих пор ясность взгляда критиков, то неоспоримо, что они впадают в постоянное противоречие сами с собою, в одно время представляя славян как самую многочисленную из всех индо-германских семей и отнимая у них поочередно всех предков, так что они представляют нелепый вид огромного дерева без корней, что-то похожее на болезненное сновиденье» (Хомяков, 2011. С. 171, 173).

Причину подобного отношения «германцев» к славянам Алексей Степанович видит в историческом различии их ментальности. «Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют навсегда чувство гордости личной и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому, - утверждал А.С. Хомяков (2011). - ...Народы земледельческие ближе к общечеловеческим началам. На них не действовало гордое волшебство победы; они не видали у ног своих поверженных врагов, обращенных в рабство законом меча, и не привыкли считать себя выше своих братьев, других людей. От этого они восприимчивее ко всему чуждому. Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие» (с. 179-180).

Позднее именно в этом различии ментальности «завоевательных» и «земледельческих» народов увидит причину раскола христианства в XI веке и последующего противостояния Западной и Восточной церквей Николай Яковлевич Данилевский. «Одна из черт, общих всем народам романо-германского типа, есть *насильственность*», которая «представляется как естественное подчинение низшего высшему». – считает Н.Я. Данилевский (2011). – «Ранее всего проявляется эта насильственность европейского характера в сфере религиозной. ...Что же такое сам католицизм, как не христианское учение, подвергнувшееся искажению именно под влиянием романо-германского

народного характера? Само христианское учение не содержит никаких зародышей нетерпимости. ...Если, следовательно, католичество выказало свойства нетерпимости и насильственности, то, конечно, не могло ниоткуда заимствовать их, как из характера народов, его исповедующих» (с. 216-217). «Католицизм возник... от насильственного характера западного духовенства, видевшего в себе всё, а вне себя ничего знать не хотевшего» (Там же. С. 221).

Николай Яковлевич
Данилевский (1822- 1885)

В противоположность романо-германским, «славянские народы самой природой избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удастся только перемещать из одной формы деятельности в другую. ...Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. ...Православие было первоначально и религией Запада, однако же, как мы видим, оно исказилось именно под влиянием насильственности романо-германского характера. Если оно не претерпело подобного же искажения у русского и вообще у славянских народов, значит, в самых их природных свойствах не было задатков для такого искажения. ...Один из славянских народов – поляки – представляет действительное и грустное исключение» (Данилевский, 2011. С. 225-227).

Поскольку исторический процесс есть процесс духовный, а носителем духовности является православие, то именно оно, опосредованное через Россию, приведет к перестройке всей системы культуры: «Всемирное развитие истории, - утверждал А.С. Хомяков, - требует от нашей Святой Руси, чтобы она выразила те всесторонние начала, из которых она выросла. ...История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения, история дает ей право на это за всесторонность и полноту ее начал». У него было глубокое понимание всемирной задачи России, которая состоит в том, чтобы освободить народы от того ложного пути развития, которое получила история под влиянием Запада (Зеньковский, 2011).

Комментируя оставленные А.С. Хомяковым бесчисленные «загадки», намеки и недосказанности, «открывающие дальние, еще неисследованные горизонты», продолжатель его дела, Ю.Ф. Самарин, развивает и обобщает идеи А.С. Хомякова, связанные с пониманием всемирной задачи России: «Тому назад лет двадцать, когда историческая будущность славяно-православного мира начала переходить из области темных гаданий и поэтических предчувствий в отчетливое сознание, ...нужно было отыскать славян и живые следы православного вероучения. ...Но задача не могла ограничиться определением внешней, осязаемой стороны исторических фактов. Возникли новые вопросы: к чему предназначено это, долго непризнанное, племя, по-видимому, осужденное на какую-то страдательную роль в истории? Чему приписать его изолированность и непонятный строй его жизни, не подходящей ни под одну из признанных наукою формул общественного и политического развития: тому ли, что оно, по природе своей, неспособно к самостоятельному развитию и только предназначено служить как бы запасным материалом для обновления оскудевших сил передовых народов, или тому, что *в нем хранятся зачатки нового просвещения, которого пора наступит не прежде, как по истощении начал, ныне изживаемых человечеством* (выделено мной. В.У.)? Что значит эта загадочная Церковь, по-видимому, задержанная в своем развитии и как бы оставшаяся в стороне от истории, с тех пор как христианство на Западе распалось на свои два противоположных полюса? Наконец, какая таинственная связь соединяет эту Церковь с этим племенем, которое в ней одной свободно дышит и движется, а вне ее неминуемо подпадает рабскому подражанию и искажается в самых коренных основах своего бытия?» (Самарин, 2008. С. 502-503).

Истории было угодно выдвинуть именно А.С. Хомякова для ответов на все эти поставленные жизнью вопросы.

«...Нашим западным соседям смирение наше кажется унижением, - писал А.С. Хомяков (2011). -...Но чуждая стихия не срастется с духовным складом славянским. Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное. ...Грядущее покажет, кому предоставлено стать впереди всеобщего движения; но если есть какая-нибудь истина в братстве человеческом, если чувство любви и правды и добра не призрак, а сила живая и не умирающая, - зародыш будущей жизни мировой – не германец, аристократ и завоеватель, а славянин, труженик и разночинец, призывается к плодотворному подвигу и великому служению» (с. 181).

Позднее с А.С. Хомяковым солидаризируется Н.Я. Данилевский, считавший, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Оценивая русский народный характер, он утверждал, что «главную пружину, главную двигательную силу русского народа» составляет «...внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» (Данилевский, 2011. С. 235). Он пишет о «внутреннем, нравственно-политическом единстве и цельности русского народа, объемлющих собою всю государственную сторону его бытия». В этом Н.Я. Данилевский видит причину того, что в критических ситуациях «русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем *дисциплинированным энтузиазмом*» (с. 552). И далее: «Счастье и сила России в том и заключается, что сверх ненарушимо сохранившихся еще цельности и живого единства ее организма, само дело ее таково, что оно может и непосредственно возбудить ее до самоотвержения, если только будет доведено до его сознания всеми путями гласности» (с. 555).

«Народ растет как человек, подвигаясь не вдруг по всем направлениям духа, но находясь всегда под преобладанием одного какого-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли, - писал А.С. Хомяков (2011). - Однако же преобладание одной стороны не есть ни смерть, ни даже совершенное усыпление всех других. Все силы продолжают действовать незаметно на быт общества, изменяя мало-помалу самое направление силы, первенствующей временно. От этого-то и происходит весьма обыкновенное явление поочередности в умственном или политическом стремлении народов и внезапное пробуждение таких начал, которые казались совершенно подавленными. ...Всякое общество, принимающее свое просвещение извне, поддается началу чуждому и почти никогда не может в то же время развивать свою мысль собственную, коренную; но когда оно возмужает в области ума, тогда оно возвращается к познанию своих внутренних богатств и начинает жизнь новую, самобытную, важную не только для него, но и для всего человечества.

Так, Россия, увлеченная бурным движением диких веков и соблазном западной науки, давно живет жизнью чуждою и несогласною с ее настоящим характером. Она утратила свое мирное братолюбие в раздорах удельных, свое устройство гражданское в возрастающей силе князей и особенно в великокняжеских престолах... Пришло ей время узнать себя, и отовсюду нежданно-негаданно пробиваются ростки старых корней, которые считались погибшими... До сих пор все ограничивается формою наружною, и не знаю, в каких пределах остановится новое развитие, но явление частное и неполное уже весьма важно: оно свидетельствует о живом историческом источнике, текущем под вековыми льдами» (Там же. С. 186-189).

Удивительно современно звучат эти слова А.С. Хомякова, они простирают его взгляд и в наше время, и в будущую Россию. Они дают основание надеяться, что несмотря на всё трагическое скатывание России в объятия глобализма в течение последних десятилетий, «живой исторический источник» и «ростки старых корней» русской

ментальности неизбежно заявят о себе, наше общество «возмужает в области ума», возвратится «к познанию своих внутренних богатств» и начнет «жизнь новую, самобытную, важную не только для него, но и для всего человечества».

Список использованной литературы

Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 17. М.: Академия наук СССР, 1959. 541 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. 814 с.

Завитневич В.З. Алексей Степанович Хомяков. Т. 2. Система философско-богословского мировоззрения Хомякова. Киев: Тип. акц. о-ва "Петр Барский в Киеве", 1913. 336 с.

Зеньковский В. Предисловие // Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. С. 5-16.

Мейен С.В. Принцип сочувствия // Пути в неизвестное: писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1977. С. 401-430.

Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Экология и жизнь. 2003. № 1(30). С. 6-10.

Одоевский В.Ф. Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства. Л.: Наука, 1975. 317 с.

Панфилов М.М. Приложение // Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011а. С. 695-709.

Панфилов М.М. Комментарии // Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011б. С. 710-777.

Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 718 с.

Семенова С.Г., Гачева А.Г. Владимир Федорович Одоевский. Предисловие // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 34-38.

Успенский В.А. Теорема Геделя о неполноте. (Популярные лекции по математике). М.: Наука, 1982. 112 с.

Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М.: Университетская типография на страстном бульваре, 1900. 408 с.

Хомяков А.С. Всемирная задача России. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. 782 с.

Рецензент статьи: заведующий кафедрой Института экономики и управления УГЛТУ, доктор техн. наук, профессор Р.Н. Ковалёв.